

Курт
Воннегут

Пока смертные спят

[сборник]

Курт Воннегут
Пока смертные спят
Серия «XX век / XXI век – The Best»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51328451
Пока смертные спят: АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-097604-1*

Аннотация

Шестнадцать умных, тонких и неожиданно трогательных рассказов раннего Воннегута, замечательным образом объединивших юношеский азарт и свежесть чувств, свойственные молодости, и все лучшее, что отличало перо уже зрелого мастера – филигранную прорисовку сюжета, фирменный «черный» юмор и негибемый оптимизм. Несмотря ни на что и вопреки всему – потому что завтра, как говорит одна из его героинь, будет уже другой день.

Содержание

Дженни[1]	5
Эпизоотия[2]	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Курт Воннегут

Пока смертные спят

Kurt Vonnegut

WHILE MORTALS SLEEP

Печатается с разрешения издательства Dial Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Публикуется с разрешения издательства Random House, a division of Penguin Random House LLC. и литературного агентства The Wylie Agency (UK) LTD. **Copyright © 2011 by The Kurt Vonnegut, Jr. Trust. All rights reserved**

© Kurt Vonnegut, Jr., Trust, 2011

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Дженни¹

Джордж Кастро заезжал в главный комплекс «Фабрики домашней техники» не чаще раза в год – чтобы установить свое оборудование в корпус новой модели холодильника ФДТ и бросить листок в ящик «Пожелания и предложения». Из года в год на листке было одно и то же: «Почему бы не придать следующему холодильнику очертания женской фигуры?» – и карандашный набросок такого холодильника со стрелочками, указующими, где будет отсек для овощей, для сливочного масла, для кубиков льда и всего прочего. Джордж и название для такой модели придумал – «Няма-Мама».

В руководстве воспринимали это как искрометную шутку, потому что весь год Джордж проводил в разъездах, болтая, танцуя и распевая песни с холодильником, имеющим очертания холодильника. Холодильник звали Дженни. Джордж сконструировал Дженни еще в те дни, когда был постоянным сотрудником исследовательской лаборатории ФДТ.

Дженни и Джордж разве только не поженились. Жили они вместе в кузове фургончика, загруженного преимущественно ее электронными мозгами. У Джорджа была койка, одноконфорочная плитка, трехногий табурет, стол и небольшой

¹ © Перевод. Евгения Алексеева, 2015

шкафчик, запирающийся на ключ. И еще коврик для ног, который он неизменно выкладывал прямо на землю, паркуя фургон где-нибудь на ночь. Надпись на коврике гласила: «Дженни и Джордж». В темноте она светилась.

Дженни и Джордж исколесили все Соединенные Штаты и Канаду, путешествуя от одного магазина товаров для дома к другому. Они устраивали представления – пели, плясали, шутили, – а когда вокруг них собиралась толпа, начинали рекламировать прочие изделия «Фабрики домашней техники», которые просто стояли в сторонке.

Этим Дженни и Джордж занимались с тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Когда я закончил колледж и поступил сюда на работу, Джорджу было шестьдесят четыре; послушав, как щедро ему платят, какую вольную жизнь он ведет и как весело и играючи убеждает людей покупать домашнюю технику, я подумал: вот он, самый счастливый человек в компании.

Я много слышал о нем, но никогда не видел – до тех пор, пока меня не перевели в Индианаполис. Однажды утром к нам в офис пришла телеграмма. Дженни и Джордж были где-то в наших краях. Нас просили разыскать их и сообщить Джорджу, что его бывшая жена при смерти и хочет его видеть.

Я удивился – никогда не слышал ни о какой жене. Но кое-кто из наших старожилов ее помнил. Джордж прожил с ней полгода, а затем подхватил Дженни и скрылся за горизонтом.

Ее звали Нэнси. Плакала она недолго – тут же вышла замуж за его лучшего друга.

Обязательство разыскать Дженни и Джорджа я взял на себя. В компании не знали, где именно они в данный момент находятся, – Джордж сам составлял себе маршрут и расписание. Его перемещения кое-как отслеживались лишь по приходящим счетам за расходы и восторженным письмам от торговых агентов и владельцев магазинов.

Почти в каждом письме говорилось о каком-то новом трюке, которому научилась Дженни. Джордж колдовал над ней всякую свободную минуту, словно сама его жизнь зависела от того, сможет ли он сделать ее еще больше похожей на человека.

Я позвонил нашему агенту по центральной Индиане Хэлу Флоришу. Спросил, не знает ли он, где сейчас Дженни и Джордж. Хэл оглушительно расхохотался в трубку и ответил, что да, еще как знает. Они прямо тут, в Индианаполисе, в универмаге товаров для дома «Гузьер». С утра пораньше остановили движение на Норт-Мэридиан-стрит, решив прогуляться по ней под ручку.

– На Дженни новая шляпка и желтое платье с корсажем, а Джордж весь расфуфыренный в этом своем фраке, желтых гамашах и при тросточке. Живот надорвешь! А представляете, как он теперь узнает о садящихся батареях?

– Как, сэр?

– Она зевает! И наполовину прикрывает глаза!

Я добрался до универмага «Гузьер» как раз к началу первого представления Дженни и Джорджа. Было чудесное утро. Джордж стоял на тротуаре в теплых лучах солнца. Он облокотился на капот фургона, перевозившего электронные мозги Дженни, и пел. Они с Дженни исполняли дуэт из бродвейского мюзикла «Розмари», и получалось у них весьма неплохо. Джордж пел рокочущим баритоном, Дженни от дверей универмага отвечала ему тоненьким девическим сопрано.

Владелец универмага Салли Гаррис стоял рядом с Дженни, приобняв ее одной рукой. Он курил сигару и подсчитывал собравшихся зрителей.

На Джордже был фрак и желтые гамаши, которые так развеселили Хэла Флориша. Фалды фрака волочились по земле, гротескно длинный белый жилет застегивался на уровне колен, а манишка задралась Джорджу к подбородку, как поднятые жалюзи. Его клоунские ботинки напоминали босые ноги размером с лопасть весла каноэ. «Ногти» были выкрашены в цвет пожарной машины.

Впрочем, Хэл Флориш, подобно многим, смеялся любой шутке – просто потому, что это шутка. На самом деле Джордж был совсем не смешон, особенно если присмотреться повнимательней. А я разглядывал его очень внимательно – все-таки я не развлекаться сюда приехал, а привез безрадостные вести. Я смотрел на него и видел стареющего маленького человека, совсем одного в этой юдоли печали. Я видел маленького человека с большим носом и тоскливыми ка-

рими глазами.

Большинство в толпе находили его очень смешным – обхохочешься. Мало кто видел то же, что и я. В их улыбках сквозили печаль и сочувствие. И любопытство – как же Дженни работает?

Дженни функционировала на радиоуправлении, а кнопки скрывались в тех самых дурацких ботинках – Джордж нажимал на них пальцами ног. Кнопки передавали сигнал мозгам Дженни в фургоне, мозги сообщали ей, что делать. Никаких проводов между ними не было.

И я не мог поверить, что Джордж вообще как-то на нее воздействует. В ухе у него виднелся маленький розовый наушник – так Джордж слышал все, что говорила Дженни, даже если до нее была сотня футов. А в оправу своих очков он вмонтировал маленькие зеркала и таким образом мог повернуться к Дженни спиной и видеть все, что с ней происходит.

Закончив песню, Дженни выбрала меня в качестве объекта внимания.

– Привет, высокий темноволосый красавец. Что, сломался холодильник, пришлось из дома выходить?

Наверху дверцы у нее было сделанное из губки лицо, в котором прятались пружины и громкоговоритель. Лицо смотрелось до того настоящим, что я почти был готов поверить: в холодильнике, выглядывая в окошко, сидит живая прекрасная женщина.

Я поддержал игру.

– Слушайте, миссис Франкенштейн, не пойти ли вам куда-нибудь в уголок и не заняться ли производством льда? Мне надо потолковать с вашим боссом с глазу на глаз.

Ее лицо из розового сделалось белым, уголки дрожащих губ поползли вниз. Дженни прикрыла глаза, словно не желая видеть такого отвратительного грубияна. А потом, ей-богу, она выжала две здоровенные слезы! Они скатились с ее щек по белой эмали дверцы на пол.

Я улыбнулся и подмигнул Джорджу, выражая ему свое одобрение и давая понять, что мне действительно нужно с ним поговорить.

Он не стал улыбаться в ответ. Его задело то, как я обошелся с Дженни. Честное слово, можно подумать, я плюнул в глаза его матери или сестре.

Парнишка лет десяти подошел к Джорджу и заявил:

– А я знаю, как она у вас работает. У нее внутри сидит карлик.

– Так и есть, – вздохнул Джордж. – Ты первый догадался. Ну, раз теперь все знают, можно выпустить карлика.

И он поманил Дженни, чтобы она подошла.

Я думал, что она будет ковылять вразвалочку и лязгать, как трактор, все-таки весила она семьсот фунтов. Но походка у нее оказалась легкая, под стать прекрасному лицу. Никогда мне еще не приходилось видеть такого яркого примера триумфа духа над материей. Я забыл, что передо мной холодильник. Я видел только ее.

Она подрулила к Джорджу и нежно спросила:

– Что такое, милый?

– Нас раскусили. Этот умный мальчик понял, что ты просто карлица внутри холодильника. Словом, вылезай, проветрись, познакомься с приятными людьми.

Он придал своему голосу ровно столько неуверенности и напустил на себя ровно такой мрачный вид, что публика уже приготовилась и в самом деле увидеть карлицу.

Что-то зажужжало, щелкнуло, и дверца распахнулась. Внутри у Дженни не было ничего, кроме холодного воздуха, нержавеющей стали, фарфора и стакана апельсинового сока. Контраст потрясал – такая красота и обаяние снаружи и такая холодная пустота внутри.

Джордж отхлебнул апельсинового сока из стакана, поставил его назад в Дженни и закрыл дверцу.

– Приятно видеть, что в кои-то веки ты добровольно пьешь что-то витаминное, – проворчала Дженни, как ворчат горячо любящие своих непослушных мужей жены. – Вы бы знали, чем он питается! Удивляюсь, как он до сих пор не умер от цинги или от рахита!

Все-таки, если задуматься, самым поразительным во всем этом представлении была реакция публики. Только что Джордж наглядно продемонстрировал, что Дженни – просто холодильник, и вот двадцать секунд спустя они снова видят в ней живого человека. Женщины сочувственно кивают – уж им ли не знать, как тяжело заставить упрямого взрослого

мужчину следить за своим питанием. Мужчины тайком бросают на Джорджа понимающие взгляды – ох уж эта несносная женская опека, ей-богу, как с детьми малыми!

Единственным, кто не купился на этот спектакль, кто не хотел быть обманутым даже ради собственного удовольствия, был тот самый мальчик. Задетый тем, что ошибся, он был твердо намерен разоблачить шарлатана и открыть всем правду – Правду с большой буквы «П». Когда-нибудь этот мальчик станет ученым.

– Ладно, – крикнул он, – если карлика нет, тогда я точно знаю, как она работает!

– Как, солнышко? – поинтересовалась Дженни.

Она с живейшим интересом приготовилась слушать, какие еще идеи есть в умненькой головенке юного дарования. Мальчик разозлился сильнее и выпалил:

– Она на радиуправлении!

– О-о-о! – Дженни пришла в полный восторг. – Вот это было бы просто шикарное решение!

Мальчишка побагровел.

– Можете сколько угодно шутики шутить, только я прав. – Он повернулся к Джорджу и спросил с вызовом: – А ваше какое объяснение?

Джордж ответил ему так:

– Три тысячи лет тому назад султан Алла-Бакара полюбил рабыню – мудрейшую, нежнейшую и прекраснейшую из женщин: Дженни. Старый султан понял, что на его земле по-

стоянно будет идти кровопролитие – ведь всякий мужчина, увидевший Дженни, от любви к ней сходил с ума. И тогда султан повелел своему придворному волшебнику извлечь дух Дженни из тела и поместить в бутылку, а бутылку запер в сокровищнице. В тысяча девятьсот тридцать третьем году Лайонел Хартлайн, президент «Фабрики домашней техники», совершая деловую поездку в легендарный Багдад, купил там сувенир – диковинную бутылку. Он привез бутылку домой, открыл ее, и дух Дженни вырвался на свободу – после трех тысяч лет заточения. Я в то время работал в исследовательской лаборатории компании. Мистер Хартлайн спросил меня, что я могу предложить в качестве нового тела для Дженни. Я взял корпус холодильника, сделал для него лицо, голос, ножки – а оживил его уже сам дух Дженни.

Сказка была настолько глупая, что она вылетела у меня из головы, едва я перестал смеяться. И лишь много недель спустя я сообразил, что Джордж вовсе не придумал небылицу на ходу. Напротив, он изложил историю Дженни так близко к истине, как прежде еще не осмеливался. Просто изложил ее поэтическим языком.

– И – вуаля! – вот она перед вами, – закончил Джордж.

– Враки! – крикнул мальчик.

Но публика его не поддержала, таких никогда не поддерживают.

Дженни тяжело вздохнула, вспоминая три тысячи лет, проведенные в бутылке.

– Ну, что было, то было. Ни к чему плакать о пролитом молоке. Теперь у меня новая жизнь. И представление еще не закончено.

Она поплыла ко входу в универмаг, и вся толпа, кроме нас с Джорджем, побрела за ней, как дети за мамочкой.

Джордж, как обычно, управляя партнершей с помощью пальцев на ногах, нырнул в кабину своего фургона. Я подбежал и сунул голову в окно. Сквозь ботинки Джорджа было видно, как он быстро шевелит пальцами, и Дженни болтала без умолку. В руках Джордж держал бутылку и в девять часов солнечного ласкового утра пил прямо из горла.

Утерев выступившие слезы и подождав, пока горло перестанет драть, он проговорил:

– Ну, чего уставился, мальчик Джимми? Ты разве не видел – я выпил апельсиновый сок как паинька. Никто не скажет, что я налакался до завтрака.

– Прошу прощения.

Я отошел от фургона, чтобы дать Джорджу – и себе – время прийти в чувство.

– Когда я увидела этот прекрасный холодильник в лаборатории, – неслось щебетание Дженни из открытых дверей универмага, – я сразу поняла: вот идеальное белое тело для меня. – Она посмотрела на нас с Джорджем, умолкла, и на секунду ее широкая улыбка погасла. – О чем там я?..

Джордж не собирался вылезать из кабины. Сквозь ветровое стекло он смотрел на что-то очень гнетущее в пяти ты-

ссячах миль отсюда. И явно был готов провести так весь день.

Наконец у Дженни закончились шутки для развлечения толпы. Она подошла к фургону и позвала:

– Милый, ты идешь?

– Лучше не жди, – буркнул Джордж, не повернув головы.

– У тебя все хорошо? – неуверенно спросила Дженни.

– Просто чудесно, – ответил Джордж, по-прежнему глядя сквозь ветровое стекло. – Лучше некуда.

Еще надеясь, что это часть обычной программы, я изо всех сил старался найти в происходящем что-то смешное и остроумное. Но Дженни больше не играла на публику. Она вообще стояла к зрителям спиной. Не играла она и для меня. Она играла для Джорджа, а Джордж играл для нее, и они продолжили бы эту игру, даже оказавшись в пустыне Сахара один на один.

– Милый, там собрались очень приятные люди, они все ждут тебя.

Дженни смутилась. Ей было ясно, как белый день, что я застукал ее партнера с бутылкой.

– Вот радость-то.

– Милый, надо продолжать шоу.

– Зачем?

Прежде я даже не подозревал, до чего невеселым бывает то, что называют «невеселым смехом». Дженни невесело рассмеялась, убеждая толпу, что происходит нечто совершенно уморительное. Звук был такой, будто кто-то колотит

молотком бокалы для шампанского. До мурашек пробрало не одного меня. Пробрало всех присутствующих.

– А вы... вы что-то хотели, молодой человек? – спросила меня Дженни.

Я подумал – была не была. Если к Джорджу взывать бесполезно, значит, поговорим с Дженни.

– Я из вашего отделения в Индианаполисе. У меня новости о его жене.

Джордж обернулся.

– О ком?!

– О вашей... бывшей жене.

Зрители высыпали из магазина обратно на улицу и теперь стояли на тротуаре, растерянно переминаясь в ожидании новых шуток. Это определенно был крайне паршивый способ продавать холодильники. Салли Гаррис начал злиться.

– Я не слышал о ней двадцать лет, – проговорил Джордж. – И вполне комфортно могу не слышать еще столько же. Хотя все равно спасибо. – И он снова уставился в ветровое стекло.

По толпе прокатился нервный смешок. Салли Гаррис вздохнул с облегчением.

Дженни подошла ко мне и, толкнув меня боком, тихо спросила уголком рта:

– Что с Нэнси?

– Она серьезно больна, – прошептал я. – Похоже, умирает. И хочет увидеть его в последний раз.

Низкий гул, доносившийся из кузова фургона, вдруг

смолок – мозги Дженни отключились. Ее лицо превратилось в мертвую резиновую губку и сделалось таким же глупым, как лицо любого манекена в витрине. Желто-зеленые лампочки в голубых стеклянных глазах погасли.

– Умирает? – переспросил Джордж.

Он распахнул дверь кабины, чтобы глотнуть воздуха. Большой кадык на тощем горле так и бегал вверх-вниз. Глянув на зрителей, Джордж сделал слабый жест, прогоняя их прочь.

– Все, народ, представление закончено.

Но люди не расходились. Они были ошарашены тем, как в такую веселую игру понарошку вдруг ворвалась несмешная реальная жизнь.

Джордж сбросил клоунские ботинки в знак того, что никаких больше фокусов сегодня не будет. Говорить он не мог. Он просто сидел в кабине боком, глядя на свои торчащие наружу босые ступни. Ступни были узкие, костлявые и синюшные.

Толпа начала разбредаться. День у этих людей начинался с тягостной ноты. Мы с Салли Гаррисом остались у фургона ждать. Салли Гаррис был раздавлен случившимся с публикой.

Джордж пробормотал что-то нечленораздельное.

– Что-что? – переспросил Салли.

– Когда тебя вот так просят приехать, – повторил Джордж, – полагается ведь приехать, да?

– Слушайте... – проговорил Салли. – Она же ваша бывшая жена, которую вы сами бросили двадцать лет назад. Почему же вы так убиваетесь? На глазах у моих покупателей, перед моим магазином...

Джордж не ответил.

– Я могу быстро организовать вам билет на поезд или самолет, – сказал я Джорджу. – Или автомобиль от компании.

– Вы предлагаете мне бросить фургон? – Джордж посмотрел на меня как на идиота. – В нем оборудования на четверть миллиона долларов, мальчик Джим. – Он затряс головой. – Бесценная техника... а вдруг кто-то... – Он умолк.

Я понял, что спорить бессмысленно. На самом деле он имел в виду совсем другое. Фургон был его домом, Дженни и ее мозги – смыслом его жизни, и сама мысль о том, чтобы оторваться от них, пугала его до смерти.

– Поеду на фургоне, – сказал он. – Так будет быстрее.

Джордж выпрыгнул из кабины и сразу засуетился, чтобы никто не начал ему возражать. Все-таки фургоны считаются не самым быстроходным транспортом.

– Вы поедете со мной, – распорядился он, глянув на меня. – Садитесь, и погнали.

Я позвонил в офис: можно поехать с ним? Мне не просто разрешили, мне сказали, что это попросту моя обязанность. Джордж и Дженни – самые преданные сотрудники компании. Мне следовало сделать все возможное, чтобы помочь им в трудную минуту.

Вернувшись к фургону, я обнаружил, что Джордж ушел кому-то звонить. Он надел кеды, оставив клоунские ботинки у кабины. Салли Гаррис подобрал их и с любопытством заглядывал внутрь.

– Господи... – пробормотал он. – Столько маленьких кнопочек... Как на аккордеоне.

Он сунул руку в ботинок и не меньше минуты набирался духу, чтобы нажать на кнопку.

– Фух, – произнесла Дженни.

Лицо ее осталось совершенно безжизненным. Салли нажал другую кнопку.

– Фух.

Еще кнопка.

Дженни улыбнулась, как Мона Лиза.

Салли нажал сразу несколько кнопок.

– Бурлапченьо, – сказала Дженни. – Бама-уэзтрассит. Шух.

А потом скорчила рожу и высунула язык.

Салли не осмелился экспериментировать дальше. Он аккуратно поставил ботинки у фургона, как ставят тапочки у кровати.

– О-хо-хо... Люди ко мне больше не придут. Теперь они думают, что у меня тут морг какой – после того, что он сегодня выкинул. За одно я Господа благодарю...

– За что?

– По крайней мере, они не узнали, чье лицо и чей голос

у этого холодильника.

– А чьи они?

– А вы не в курсе? – удивился Салли. – Он сделал слепок ее лица и водрузил на Дженни. А потом записал все звуки английского языка в ее исполнении. Все-все, что вылетает из динамика Дженни, когда-то произнесла *она*.

– Да кто? – не выдержал я.

– Нэнси. Или как бишь ее там зовут. Дама, которая теперь при смерти. Он это проделал сразу после медового месяца.

Мы проехали семьсот миль за шестнадцать часов, и за это время Джордж мне и десятка слов не сказал. То есть говорить-то он говорил, но не со мной. Болтал во сне, вероятно, с Дженни. Пробурчит сквозь храп что-то вроде «уффа-муффа» и давай шевелить пальцами на ногах, сообщая Дженни, какой ответ хочет от нее услышать.

Однако волшебных ботинок на нем не было, так что Дженни не отвечала. Она ехала пристегнутой к стене в темном кузове. Джордж не особенно за нее волновался на протяжении пути, но когда до места назначения остался какой-то час, забеспокоился что твоя ищейка. Каждые десять минут требовал остановить фургон и бегал проверять крепления – а вдруг она там отстегнулась и теперь кувыркается в собственных мозгах?

Внутри фургон выглядел, как монашеская келья, устроенная в аппаратном зале телестанции. Видал я паркетные доски, которые были шире и мягче, чем койка Джорджа.

Все здесь, что предназначалось для него, было дешевым и неудобным. Поначалу я даже удивлялся, во что тут вложена упомянутая четверть миллиона. Но всякий раз, когда луч его фонарика пробежал по мозгам Дженни, я понимал все больше. Мозги Дженни представляли собой самую хитроумную, самую сложную, самую прекрасную электронную систему. Когда речь шла о Дженни, деньги значения не имели.

На восходе солнца мы свернули с шоссе и поколдыбали по ухабам в городок, где располагался центральный комплекс «Фабрики домашней техники». Здесь начинал свою карьеру я, здесь начинал свою карьеру он, сюда он когда-то привез свою невесту.

За рулем сидел Джордж. Болтанка по колдобинам разбудила меня и что-то растрясла в нем. На него внезапно напало желание поговорить. Начал он ни с того ни с сего, как включившийся будильник:

– Я ее не знаю! Я же совсем ее не знаю, мальчик Джим! – Джордж ударил себя по тыльной стороне руки, пытаясь заглушить боль в сердце. – Я еду к совершенно чужому мне человеку! Когда-то она была очень красивой – вот и все, что мне о ней известно. Когда-то я любил ее больше всех на свете, а она разбила все, что было у меня, на мелкие осколки. Карьеру, отношения с друзьями, дом... всему настал капут! – Он ударил по кнопке на приборной панели и крикнул в мегафон на всю спящую округу: – Никогда нельзя идеали-

зировать женщину! Запомни это, мальчик Джим!

Нас качнуло на очередной выбоине, он обеими руками вцепился в руль. И до конца пути молчал.

Мы подъехали к белому особняку с колоннами на фасаде – дому Норберта Хониккера. Норберт был заместителем директора исследовательской лаборатории ФДТ – и когда-то лучшим другом Джорджа. До того, как украл у него жену.

Во всех окнах горел свет. Мы припарковались перед домом за машиной врача. То, что она принадлежит именно врачу, было ясно по символу переплетенных змей на номерном знаке. Как только мы заглушили мотор, из дома вышел Норберт Хониккер в халате и тапочках. Он явно не спал всю ночь.

Руки они друг другу не пожали. И даже не поздоровались. Хониккер сразу начал заранее отрепетированную речь:

– Джордж, я подожду здесь, а ты заходи. Пока ты там, мой дом – твой дом. Вы с Нэнси вольны сказать друг другу все, что вам нужно.

Но Джордж совсем не хотел встречаться с Нэнси один на один.

– Мне... мне нечего сказать ей.

Он даже схватился за ключ зажигания, готовый завести фургон и рвануть прочь.

– Говорить будет она. Она всю ночь спрашивала о тебе. Она знает, что ты приехал. Только наклонись к ней поближе. Сил у нее не так много.

Джордж вылез и, волоча ноги, поплелся к дому. Он шел, как водолаз по дну морскому. Сиделка впустила его и захлопнула дверь.

– У него там лежанка есть? – спросил меня Хониккер.

– Да, сэр.

– Я, пожалуй, прилягу.

Мистер Хониккер улегся в койку Джорджа, однако расслабиться не смог. Высокий, грузный, в койке он не помещался. Помаявшись, он снова сел.

– Сигарета есть?

– Да, сэр. – Я протянул ему сигарету и поджег. – Как она, сэр?

– Будет жить. Но это сделало ее старухой вот так. – Он щелкнул пальцами.

Щелчок вышел очень слабый, почти без звука. Хониккер посмотрел на лицо Дженни и болезненно сморщился.

– Его ждет потрясение. Нэнси теперь совсем другая. Может, оно и к лучшему. Может, теперь ему придется посмотреть на нее как на такое же человеческое существо.

Хониккер встал, подошел к мозгам Дженни, тряхнул одну из стальных полок, на которых они размещались. Полка была приделана намертво. Хоникер только потряс сам себя.

– Господи... – пробормотал он. – Как глупо, глупо, глупо... Один из величайших инженерных гениев нашего времени. Живет в фургоне, женат на машине и проводит жизнь за торговлей домашними приборами, мотаясь между Саска-

чеваном и Флоридой.

– Он вроде человек умный, – заметил я.

– «Умный»? – переспросил Хониккер. – Он не просто Джордж Кастро. Он *доктор* Джордж Кастро. В восемь лет он знал пять языков, в десять освоил математический анализ, в восемнадцать получил степень доктора в Массачусетском технологическом университете.

Я присвистнул.

– У него никогда не было времени на любовь. Он считал, что вполне сумеет обойтись без нее – что бы там этим словом ни называли. Ему было чем занять голову кроме любви. К тридцати трем годам, когда он слег с пневмонией, он ни разу не держал женщину за руку.

Хониккер заметил под койкой волшебные ботинки – там, где Джордж их оставил. Он явно умел с ними обращаться.

– Когда его подкосила пневмония, он вдруг ощутил страх смерти. Ему постоянно требовалась помощь и поддержка медсестры. Медсестрой была Нэнси.

Хониккер повернул рубильник. Мозги Дженни загудели.

– Человек, который постоянно подвергается воздействию любви, развивает к ней определенный иммунитет. Тот, кто возможности развить его не имел, рискует едва ли не погибнуть от первого же контакта. – Хониккер содрогнулся. – Любовь смешала все в голове бедняги Джорджа. Внезапно лишь она стала иметь для него значение. Я работал с ним в лаборатории. По восемь часов в день мне приходилось слушать

его разглагольствования о любви. Любовь вращает мир! Весь смысл существования мира – в поиске любви! Любовь побеждает все!

Хониккер, прикрыв глаза, вспоминал навык, которым владел много лет назад.

– Привет, милая, – сказал он Дженни и зашевелил пальцами ног.

– Пи-ве, кас-сав-чих, – ответила Дженни без всякого выражения на лице.

А потом повторила гораздо четче:

– Привет, красавчик.

Хониккер покачал головой.

– Голос у Нэнси теперь звучит иначе. Стал более низкий, хриплый... не такой текучий.

– Та-ке мо-ит су-тит-са с ка-им ха-ни наз-бо, – проговорила Дженни и тут же поправилась: – Такое может случиться с каждым, храни нас Бог.

– А у вас неплохо получается, – признал я. – Не думал, что кто-то, кроме Джорджа, способен управлять ею.

– Нет, я не могу заставить ее выглядеть живой. По крайней мере, так, как Джордж. Это мне никогда не удавалось, даже после тысячи часов упражнений.

– Вы вложили в нее столько времени?

– Конечно. Предполагалось ведь, что именно я буду колесить с ней по стране. Ни к чему не привязанный холостяк без особых перспектив в лаборатории. У Джорджа была же-

на и большое будущее, ему следовало остаться здесь и развивать науку.

Размышления о превратностях жизни заставили Хониккера шмыгнуть носом.

– Изначально Дженни должна была стать маленькой шуткой в середине его карьеры. Милой электронной диковинкой, которую он придумал со скуки. Просто тешил себя, понемногу опускаясь с небес на землю после медового месяца с Нэнси.

Хониккер еще много рассказал мне о тех днях, когда рождалась Дженни. Иногда он заставлял и ее вставить слово – так, будто она вместе с ним предавалась воспоминаниям. Для Хониккера это было нелегкое время, потому что он тоже полюбил жену Джорджа. И до полусмерти боялся, что может что-то предпринять по этому поводу.

– Я любил ее такой, какой она была. Может, влечение родилось из всей этой ерунды, которую Джордж о ней болтал. Он нес всякий бред и о ней, и о любви вообще, а я видел настоящие причины, за что можно ее любить. Я полюбил человеческое существо – чудесное, неповторимое, своенравное переплетение достоинств и недостатков. Отчасти ребенка, отчасти женщину, отчасти богиню, не более понятную, чем логарифмическая линейка.

– А потом Джордж стал все больше и больше времени проводить со мной, – продолжила Дженни. – Он сидел на работе до последнего, наспех ужинал и возвращался в лаборато-

рию, чтобы корпеть над моими схемами до глубокой ночи. Целыми днями, а иногда и ночами он не снимал этих ботинок, и мы с ним говорили, говорили, говорили...

То, что последовало дальше, Хониккер попытался сопроводить мимикой. Он нажал ту же кнопку, что и Салли Гаррис накануне.

– Я была прекрасной собеседницей, – произнесла Дженни с улыбкой Моны Лизы. – Я ни разу не сказала ничего такого, чего он не хотел бы слышать, и всегда говорила именно то, что ему нужно, в самый нужный момент.

– Вот она! – провозгласил Хониккер, расстегивая крепления на ремнях, чтобы Дженни могла сделать шаг вперед. – Вот она, самая расчетливая женщина. Величайшая на свете исследовательница наивных мужских сердец. У Нэнси не было никаких шансов.

– Вообще, это обычное дело, – говорил Хониккер. – После медового месяца жена уже не представляется чем-то неземным, и надо приступать к сложному, но интересному и необходимому процессу узнавания, на ком же ты, собственно, женился. Однако Джордж нашел себе альтернативу. Все свои безумные мечты о женщине он воплотил в Дженни. И пренебрег несовершенной Нэнси.

– Внезапно Джордж объявил, что я слишком ценный механизм, чтобы доверять меня кому попало, – продолжала Дженни. – Он поставил руководству ультиматум: либо он отправляется со мной в разъезды сам, либо вообще уходит из

компании.

– С его свежееобретенной жаждой любви могло сравниться лишь его вопиющее незнание связанных с нею опасностей. Он знал одно: любовь делает его счастливым. А из какого источника ее получать, ему было все равно.

Хониккер отключил Дженни, снял ботинки и снова прилег.

– Джордж выбрал идеальную любовь робота, – сказал он, – предоставив мне делать все возможное, чтобы завоевать любовь брошенной им неидеальной женщины.

– Я... я очень рад, что самочувствие позволяет ей все-таки поговорить с ним...

– Я в любом случае передал бы ему ее слова. – Хониккер протянул мне сложенный листок. – Нэнси надиктовала мне это на случай, если ей будет не суждено сказать все лично.

Я не смог заглянуть в это послание сразу, потому что в дверях фургона возник Джордж. И он больше походил на робота, чем Дженни.

– Все, – сказал он Хониккеру. – Забирай свой дом и жену.

Мы с Джорджем позавтракали в закусочной, а потом он поехал в комплекс ФДТ и припарковался у исследовательской лаборатории.

– Ну вот, мальчик Джим, теперь беги, занимайся своими делами. Премного тебе благодарен.

Как только я остался один, я развернул листок. И вот что сказала Нэнси Джорджу:

«Посмотри на несовершенно человеческое существо, которое Господь Бог послал тебе в жены. Постарайся найти хоть что-то достойное любви в том, кем я была и кем, даст Бог, остаюсь. А потом, прошу тебя, милый, стань опять несовершенно существом среди таких же несовершенно существ».

Торопясь прочесть это, я даже забыл обменяться с Джорджем рукопожатиями, забыл спросить, что он намерен делать дальше. За этим я и вернулся к фургону.

Дверцы фургона были распахнуты. Внутри тихо переговаривались Джордж и Дженни.

– Теперь я попробую собрать свою жизнь из кусочков... ну, то, что от нее осталось. Может, они согласятся взять меня назад в лабораторию. Попрошусь с протянутой рукой.

– Конечно, тебя возьмут! – воскликнула Дженни. – Да они в восторге будут! – Она и сама была в восторге. – Это самая лучшая новость на свете. Я так давно мечтала это услышать... – Она зевнула и слегка прикрыла глаза. – Извини.

– Тебе нужен кавалер помоложе, – сказал ей Джордж. – Все-таки я старею, а ты вечно юна.

– Мне никогда не найти мужчину такого же пылкого и внимательного, такого же умного и красивого, как ты, – ответила Дженни от всего сердца. Она снова зевнула, и веки ее опустились. – Извини. Удачи тебе, мой ангел. Спокойной ночи, милый.

Она закрыла глаза и уснула. Ее батарея полностью разря-

дилась.

– Ты увидь меня во сне, – тихо пропел ей Джордж, как Синатра.

Я спрятался, чтобы он меня не заметил. Джордж смахнул слезу и вышел из фургона, чтобы больше не возвращаться.

Эпизоотия²

– Итак, – начал Милликан, – действие правительства номер один!

– Номер один, – эхом откликнулся доктор Эверетт, приготовившись записывать.

– Вытащить болезнь на свет божий! Довольно тайн! – заявил Милликан.

– Чудесно, – проговорил доктор Эверетт. – Немедленно зовите репортеров. Проведем пресс-конференцию, выложим на стол факты и цифры, и уже через пару минут об этом будет знать весь мир. – Он обернулся к престарелому председателю совета директоров. – Современные коммуникации – чудесная штука, не правда ли? Почти такая же чудесная, как страхование жизни. – Доктор Эверетт потянулся к стоящему на длинном столе телефону и снял трубку. – С какой газеты начнем?

Милликан отобрал у него трубку и повесил на рычаг.

Эверетт уставился на него в притворном удивлении.

– Я полагал, это был шаг номер один. И как раз собирался сделать его, чтобы мы могли скорее перейти к шагу номер два.

Милликан закрыл глаза и потер переносицу. Молодому

президенту «Американской надежности и беспристрастности» было о чем поразмышлять в сиреновом тумане прикрытых век. После шага номер один, который неизбежно сделает достоянием общественности плачевное состояние страховых компаний, наступит самый страшный финансовый коллапс в истории страны. А что до лечения этой эпизоотии, так обнародование данных просто заставит болезнь убивать еще быстрее, вызовет в течение нескольких недель массу панических смертей, а потом еще и растянется на годы. О более глобальных вещах – о том, что Америка сделается слабой и презируемой, о том, что деньги будут цениться дороже самой жизни, Милликан и не думал. Его заботили вещи сиюминутные и личные. Все остальные последствия эпизоотии бледнели перед ясным фактом: компания вот-вот пойдет ко дну, а вместе с ней и блистательная карьера Милликана.

Телефон на столе зазвонил. Брид ответил, молча выслушал информацию и повесил трубку на рычаг.

– Еще два самолета разбились. Один в Джорджии, на борту было пятьдесят три человека, один в Индиане – там двадцать девять.

– Кто-то выжил? – спросил доктор Эверетт.

– Ни единой души, – сказал Брид. – В этом месяце уже одиннадцать авиакатастроф – пока...

– Хорошо, хорошо, хорошо! – Милликан встал. – Действие правительства номер один: посадить все самолеты. Больше никаких полетов!

– Отлично! – кивнул Эверетт. – А еще нужно установить решетки на все окна выше первого этажа, убрать все водоемы подальше от населенных пунктов, запретить продажу огнестрельного оружия, веревок, ядов, бритвенных лезвий, ножей, автомобилей и лодок.

Милликан рухнул обратно в кресло, извлек из бумажника фотографию своего семейства и апатично уставился на нее. На фотографии на заднем плане виднелся его расположенный на береговой линии сотысячедолларовый дом, а чуть дальше стояла на якоре сорокавосемифутовая прогулочная яхта.

– Скажите мне, – поинтересовался Брид у молодого доктора Эверетта, – вы женаты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.